

В поисках утраченного равновесия: между государственным регулированием и рыночной неопределенностью

А. В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск. E-mail: avale@mail.ru

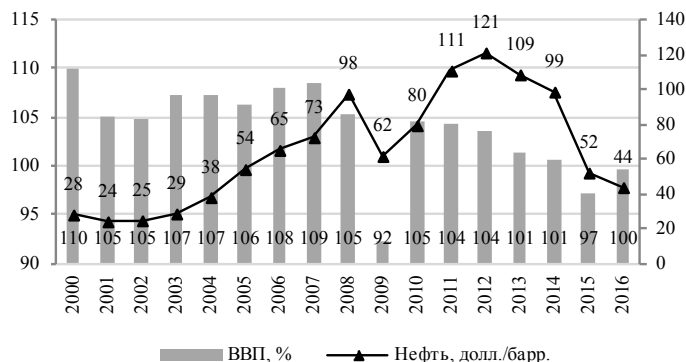
В статье дается характеристика действующей экономической модели развития РФ, доказывається, что попытки ее апгрейда бесперспективны. Обосновывается утверждение, что главной целью экономического развития на среднесрочную перспективу является создание относительно независимой (по критическим технологиям) от мировой экономики национальной экономической системы, способной обеспечить национальный суверенитет. Делается вывод, что российская экономика нуждается в усилении стратегического управления с использованием потенциала рыночного механизма в противовес чрезмерной опоре на рыночные методы с фрагментарными элементами индикативного планирования, как это наблюдается в настоящее время.

Ключевые слова: экономический рост, производство промышленной продукции, инвестиции, модель экономического развития, денежное стимулирование, государственные программы развития

Недоумение российских граждан по поводу качества современного экономического развития все отчетливее трансформируется в раздражение. Да, экономическая модель, обеспечивавшая рост с конца XX в., работать перестала. Но и перехода к новой не намечилось. Объяснения, оправдывающие застой, неубедительны. Цены на нефть действительно упали. Но десять лет назад, когда она стоила столько же, ВВП рос с темпом 6–7% в год. Ничего подобного в последние годы не наблюдается (рис. 1).

Санкции и ограничение доступа к капиталу – фактор значимый, но в контексте российской действительности не столько объясняющий ситуацию, сколько ее запутывающий. Действительно, уже много лет Россия является нетто-кредитором остального мира. Так, чистая международная инвестиционная позиция РФ на начало 2017 г. составляла 222,1 млрд долл. Казалось бы, не хватает финансовых ресурсов – достаточно перестать кредитовать

хотя бы тех, кто поддерживает ограничения на доступ к капиталу. Только в долговых ценных бумагах (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США), которые в любой момент могут быть даже если не аннулированы, то заморожены на неопределенное время, накоплено 242,7 млрд долл. (на 01.01.17 г.). За первое полугодие 2017 г. данная позиция возросла более чем на 12 млрд долл.¹ Видимо, санкционные финансовые ограничения не столь уж критичны для российской экономики.

Источник: Росстат. www.gks.ru. Цены на нефть. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C (дата обращения: 05.10.2017).

Рис. 1. Темпы роста ВВП РФ (левая шкала, %) и среднегодовые цены на нефть (правая шкала, долл./барр.) в 2000–2016 гг.

Ограничения на доступ к товарам и технологиям стали вводиться еще в советский период, менялась лишь жесткость их применения. За более чем полвека в России научились хорошо обходить эти ограничения. Они уже давно воспринимаются не как проблема, а как затраты: чем к менее прямым схемам приобретения санкционной продукции или технологий приходится прибегать, тем дороже они обходятся.

Таким образом, *внешние* объяснения современной российской стагнации неубедительны. Впрочем, этот вывод очевиден, если просто обратиться к данным рисунка 1: темпы роста ВВП

начали снижаться, когда цены на нефть были на историческом максимуме, а об ужесточении санкций не шло и речи.

Современная модель российского экономического развития

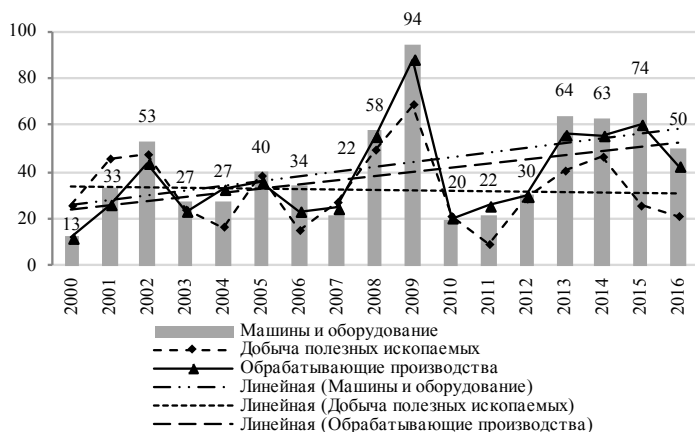
В 1990-е гг. Россия сделала свой исторический выбор – интегрироваться в мировую экономику на рыночных принципах. В эти годы и начала формироваться постсоветская экономическая модель. **Суть модели – не мешать рыночным силам самим определять приоритеты развития материального производства и сферы услуг. Если они указывают на то, что сконцентрироваться следует на добыче нефтегазовых ресурсов, а на ренту, полученную в результате их реализации на мировом рынке, приобретать продукцию, которую производить в РФ «неэффективно», то так и следует поступать** [Алексеев, 2017].

Последствия этого выбора не заставили себя долго ждать. Выяснилось, что некогда манящий образ глобальной экономики, «оптимально перераспределяющей ресурсы и развивающей производство товаров и услуг там, где это наиболее эффективно», работает весьма избирательно – сильные экономики становятся сильнее, слабые – слабее. Так, еще до кризиса 2008–2009 гг. снижение производства ежегодно наблюдалось по значительному числу видов продукции добывающих производств и еще большему – обрабатывающих. Наиболее остро данная проблема проявилась в производстве машин и оборудования (рис. 2).

Восстановление нефтяных цен в посткризисный период не позволило усвоить полученный урок. Действующая модель развития экономики после кратковременного сбоя заработала вновь. К этому времени российская экономика уже всерьез интегрировалась в мировую, правда, на правах сырьевого придатка, при деградации собственной технологической системы. Так, за 16 лет XXI в. объемы выпуска (выборка по 700 видам) снизились по 1/5 видов продукции добывающих производств, 1/3 обрабатывающих и 40% машин и оборудования².

¹ ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=ITM_49537#CheckedItem (дата обращения: 05.10.2017).

² Рассчитано по ЦБСД Росстата. URL: www.gks.ru

Источник: Росстат. ЦБСД. URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.06.2017).

Рис. 2. Снижение производства по видам экономической деятельности в 2000–2016 гг., % от числа позиций

В поисках новой модели экономического развития

В настоящее время уже почти никто не отрицает, что действующую модель надо менять, и даже есть понимание, к чему стремиться: к инновационной модели развития. Проблема в том, что глобальная экономика организована по классическому принципу: «вход – рубль, выход – два». Как только Россия перестала безоговорочно подчиняться правилам глобальной экономики, последняя стала постепенно исключать ее из международных цепочек создания стоимости, вводя различные тарифные и нетарифные ограничения, штрафы, санкции и т.п. Сознательно провоцируемое обострение социально-экономических проблем направлено на то, чтобы вернуть российскую экономику на «магистральный путь» интеграции ее в мировую.

Россия вплотную подошла к рубежу, на котором необходимо делать выбор: продолжать встраиваться в глобальную экономику (подчиниться ей) или ориентироваться на создание многополярного мира. На декларативном уровне этот выбор уже сделан, на экономическом – нет. Действительно, ориентация на многополярный мир в экономическом смысле предполагает разработку (и реализацию) стратегии если и не **создания параллельной «полуглобальной»**

экономики, то, во всяком случае, формирования ключевых элементов такой экономики, достаточных для того, чтобы другой центр силы не мог просто «выключить» Россию из системы мирохозяйственных связей. Пока сколько-нибудь системных решений здесь нет. Соответственно, если действующая экономическая модель как-то и адаптируется к внешним шокам, то происходит это в режиме стихийного апгрейда того формата развития, который необходимо не улучшать, а менять. И ситуация усугубляется: рынок продолжает посылать сигналы, что российской экономике следует продолжить интеграцию в мировую, причем на более низком качественном уровне. В частности, стало сложнее интегрироваться в мировые цепочки создания стоимости при производстве продукции высоких технологических переделов – нам предлагают приобретать готовую продукцию (которая пока не находится под санкционными ограничениями).

Основное противоречие заключается в том, что обострившиеся проблемы стратегического развития российской экономики на современном этапе продолжают решаться неадекватными их сложности рыночными методами. Рыночный механизм хорош для определения эффективности инвестиций на кратко- и среднесрочном временном горизонте. В долгосрочной перспективе он работает существенно хуже, а в условиях весьма далекой от идеала российской институциональной системы не работает вовсе.

Идеологическое обоснование доминирования в системе принятия решений рыночного подхода не меняется уже четверть века: почему российский потребитель должен «страдать», приобретая менее качественную и дорогую продукцию отечественного товаропроизводителя при наличии более конкурентоспособной продукции иностранного? Обратная сторона медали – потребителем в общем случае можно быть, лишь предварительно став производителем, – остается в тени. А как стать производителем, если сильный иностранный товаропроизводитель легитимизирован в праве уничтожения слабого отечественного? При этом сильным иностранный товаропроизводитель стал в результате его поддержки всей мощью своего государства. Российскому же производителю в рамках либеральной экономической идеологии в этом праве отказано.

Основной целью экономического развития на среднесрочную перспективу является создание относительно независимой (по критическим технологиям) от мировой экономики национальной экономической системы, способной обеспечить национальный суверенитет. Данная формулировка отличается от представленной в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ» и приложения к ней («Основные параметры прогноза социально-экономического развития РФ на период до 2020-2030 гг.»), которая звучит так: «Стратегической целью развития РФ является **достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности)**»³. События последних лет показали, что позиционирование в «статусе ведущей мировой державы» уже невозможно без достижения относительной независимости от других экономик современного мира.

Решаема ли эта задача в принципе? На первый взгляд – едва ли. Действительно, воспроизвести в не самой крупной экономике существенную часть спектра технологий, определяющих формат современного мира, представляется не слишком реальной задачей. Правда, в рамках данного подхода невозможно объяснить уровень технического оснащения российской армии. Если страна не обладает передовыми технологиями и не имеет возможности их импортировать, ее боевая техника не может представлять серьезной угрозы для более развитых стран. В российском случае это определено не так. Из методологии научного познания известно – если хотя бы один факт не соответствует теории, это означает, что данная теория либо не верна, либо является лишь частным случаем более общей теории.

К тому же задачу создания относительно независимой экономики не следует понимать догматически. Речь не идет о воспроизведении всех существующих (и разрабатываемых) в мире технологий в одной отдельно взятой стране. Достаточно обладать лишь ключевыми. Решение этой задачи лишает смысла попытки иных центров силы изолировать Россию. Обладание ключевыми технологиями означает, что такая политика приведет лишь к увеличению множества уже освоенных технологий.

Если задача освоения в России ключевых для современного мира технологий в принципе решаема (обратное так и не доказано), то проблема эффективности такой экономики остается. Считается, что разработка прорывной технологии в рамках национальной экономики зачастую нерентабельна. Затраты на ее создание настолько велики, что не могут окупиться без выхода на мировой рынок. Понятно, что чем больше рынок для технологии, тем выше эффективность затрат на ее создание. Тем не менее для России, обладающей крупным национальным рынком, это ограничение не столь критично, как для большинства стран. Главное же в том, что поле для маневра здесь становится все меньше. Проблема все в большей степени смещается из плоскости «Что эффективнее: самостоятельно развивать технологии или заимствовать их из-за рубежа?» в зону «Возможно ли обладать суверенитетом, не развивая данные технологии?».

Российская экономика нуждается в усилении стратегического управления с использованием потенциала рыночного механизма, а не в рыночном подходе с элементами индикативного планирования, как это происходит в настоящее время. Необходимо ясное понимание того, какую технологическую систему мы хотим иметь в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Нельзя сказать, что такое видение полностью отсутствует. В многочисленных стратегиях и ФЦП много правильных мер по созданию относительно независимой экономики инновационного типа. Но в основе их – не государственное, а какое-то обывательское представление об источниках реализации этих планов: «Есть деньги – строим инновационную экономику, нет – не строим».

Существуют ли объективные признаки того, что российская экономика адаптируется к новым реалиям, и, главное, достаточны ли генерируемые ею ресурсы для поддержания национального суверенитета и темпов технологического развития?

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Адаптация к новым реалиям

Воспользуемся данными Доклада о глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 гг.⁴ Доклад, как признается экспертным сообществом, в настоящее время представляет наиболее полный комплекс показателей конкурентоспособности (оценка производится по 114 параметрам) по 137 странам мира. Он позволяет в рамках единой методологии оценивать качество развития не только национальной экономики, но и сопоставлять достигнутые результаты с уровнем других стран.

На первый взгляд, достижения России очевидны – за 12 лет конкурентоспособность российской экономики повысилась в некотором смысле вдвое (с 75-го места в мире в 2005–2006 гг. до 38-го в 2017–2018 гг.). Радость от достигнутых результатов, правда, быстро сменяется недоумением: когда страна занимала 65–75-е места в мировом рейтинге конкурентоспособности, темпы роста промышленного производства составляли 5–8% в год, а когда она по уровню конкурентоспособности вошла в первую полусотню стран мира, темпы прироста производства снизились до 1–2%, а в 2015 г. и вовсе ушли в отрицательную область (рис. 3).

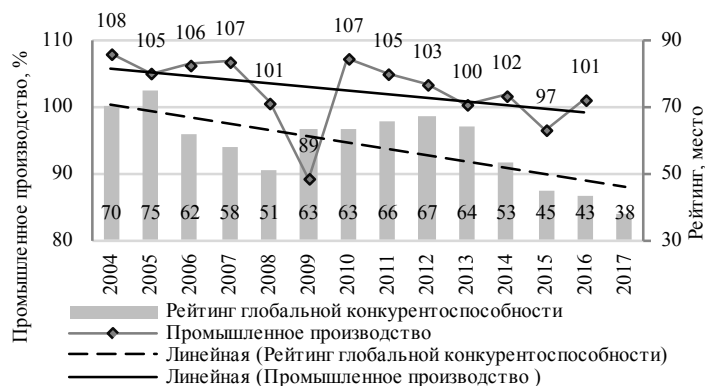

Рис. 3. Конкурентоспособность экономики РФ (правая шкала) и динамика промышленного производства в 2004–2017 гг. (левая шкала)

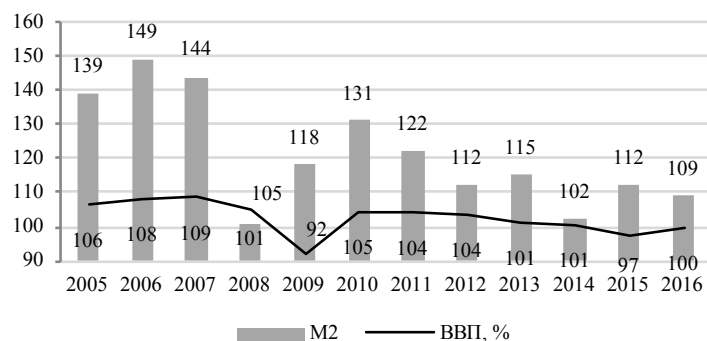
Такая странная корреляция хорошо объяснима в рамках рассмотренной модели экономического развития. Действительно, для экономики ресурсного типа конкурентоспособность производств обрабатывающего сектора и сферы услуг вторична. Поступающие рентные доходы позволяют заместить продукцию неэффективного национального производителя импортной, а высвобождающуюся при этом рабочую силу – перенаправить в сектор неторгуемых услуг.

Обратим внимание, что высокие цены на нефть сохранялись до 2014 г. Российские же темпы экономического развития начали снижаться с 2012 г. Именно в этом году цена на нефть достигла своего исторического максимума, хотя темпы прироста ее стоимости заметно снизились. С 2013 г. началось ускоряющееся снижение цен на нефть. Таким образом, для темпов российского экономического роста оказались важными не столько абсолютная величина стоимости нефтегазовых ресурсов на мировом рынке, сколько темпы их изменения (см. рис. 1). В этом нет ничего удивительного, так как спрос и подтягивающееся к нему предложение (задающее экономический рост) формируются не непосредственно на основе цен на нефть, а через денежное предложение, которое как раз и определяется нефтяными ценами.

Действительно, доходы нефтегазового сектора конвертируются в рубли. Если Центральный банк не вмешивается в этот процесс, валюта реализуется на рыночных принципах. Большой (и растущий) объем валюты при относительно фиксированной рублевой массе ведет к скорому укреплению рубля. Российское государство, несмотря на риторику и действия, основанные в немалой степени на либеральной идеологии, в данном вопросе все же пытается как-то ограничить «рыночные силы». Происходит это в режиме покупки валюты Центральным банком как для собственных нужд (создание золотовалютных резервов), так и потребностей Министерства финансов (пополнение Резервного фонда и Фонда национального благосостояния).

За ростом/снижением М2, в свою очередь, с лагом в один год следует рост/снижение ВВП (коэффициент корреляции с учетом годового временного лага – 0,9) (рис. 4).

⁴ The Global Competitiveness Report 2017–2018. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017–2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>

Источник: ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlD=ms&Year=2005> (дата обращения: 05.10.2017).

Рис. 4. Индексы роста денежного агрегата М2 и ВВП в 2005–2016 гг., %

Достаточно ли для активизации экономического роста столь простой меры, как смягчение денежной политики, – предмет отдельной большой дискуссии, расколовшей академическое [Алексеев, 2015; Баранов, Сомова, 2015] и банковское сообщества [Кудрин и др., 2017]. Не вдаваясь в дискуссию, все же отметим, что когда прирост денежной массы составлял 40–50% в год, темпы прироста российского ВВП равнялись 8–9% в год, а когда прирост М2 сократился до 10–12%, ВВП расти перестал.

Даже если допустить, что контролируемая целевая денежная эмиссия способствует экономическому росту, то из этого вовсе не следует, что она обеспечивает требуемое качество этого роста. Формат экономического роста задается не масштабами денежного предложения, а осознанным (или нет) выбором: продолжать встраиваться в глобальную экономику или создавать свою относительно независимую, взаимодействуя с мировой экономикой уже по своим, а не по ее правилам. По сути, это реинкарнация рассмотренного выше вопроса, на который Россия как будто ответила еще в начале 1990-х гг.: «На какой из фундаментальных основ должна развиваться современная экономика: сознательном управлении или на рыночных принципах?».

Исторический опыт показывает, что противопоставление этих основ приводит к не лучшим результатам. Гипертрофирование роли сознательного фактора в управлении экономическим

развитием привело к краху плановой экономики советского типа. Опора на рыночные силы, которые сами генерируют цели экономического развития и сами же создают условия для их достижения, привела к закономерному результату – российская экономика стала быстро форматироваться под потребности мировой. А векторы, задаваемые интересами развития национальной и глобальной экономик, едва ли могут совпадать даже теоретически. Для России они заведомо существенно различны.

Вывод очевиден – необходимо сочетать оба фактора. **В среднесрочной перспективе следует ожидать усиления сознательного целеполагания в управлении отечественной экономикой. Здесь важно «не выплеснуть вместе с водой ребенка» – задача состоит не в том, чтобы уйти от не слишком адекватного российским реалиям механизма «невидимой руки» рынка, а в том, чтобы эта «рука» работала на повышение эффективности сознательно принимаемых управленческих решений. В этом и состоит основа новой российской экономической модели развития.** На какие системные свойства отечественной экономики при реализации этого подхода можно опереться? Вернемся к данным доклада.

По методологии расчета Индекса глобальной конкурентоспособности (ИГК) конкурентоспособность национальной экономики рассчитывается как взвешенная по специальной методике величина трех групп факторов – базовых требований, факторов эффективности и инновационного потенциала, структурированных по 12 категориям, называемым *основами*, или «краеугольными камнями» конкуренции. Это *базовые требования* – качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование. *Факторы эффективности* – высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынков товаров и услуг, а также труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка. *Факторы инновационности и конкурентоспособности* – конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Для каждой из *основ* выбран свой набор показателей. Например, качество институтов определяется по 22 параметрам. Кроме того, показатели по отдельным странам получают экспертную оценку.

Большое количество показателей позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны российской экономики. Хуже всего обстоят дела с рыночными основами (на которые до последнего времени делалась ставка по развитию экономики), лучше – при всей условности такого разделения – с основами, за которые государство отвечает вне зависимости от того, хорошо развита рыночная инфраструктура или нет. Так, по методологии расчета индекса, в России ужасные институты (83-е место в мире), не многим лучше организован рынок товаров и услуг (80-е), совсем плохо развит финансовый рынок (107-е), большие проблемы с эффективностью рынка труда (60-е место). Конкурентоспособность отечественных компаний (71-е место) на таком фоне уже не вызывает удивления.

Ситуация со второй группой факторов несколько лучше. По уровню развития инфраструктуры Россия находится на 35-м месте. Оценка здоровья населения и качества начального образования невысока (54-е), зато уровень высшего образования и профессиональной подготовки оценивается заметно выше (32-е). Не вызывает гордости технологический уровень отечественного производства (57-е), тем более неожиданна оценка инновационного потенциала российского бизнеса (49-е место). Практически для всех *основ* конкуренции за последние 10 лет характерен заметный прогресс (рис. 5).

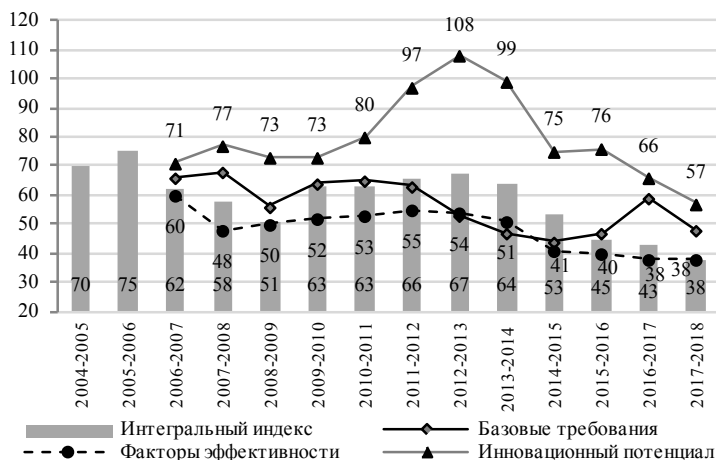

Рис. 5. Показатели конкурентоспособности экономики РФ в 2004–2018 гг., место в мире

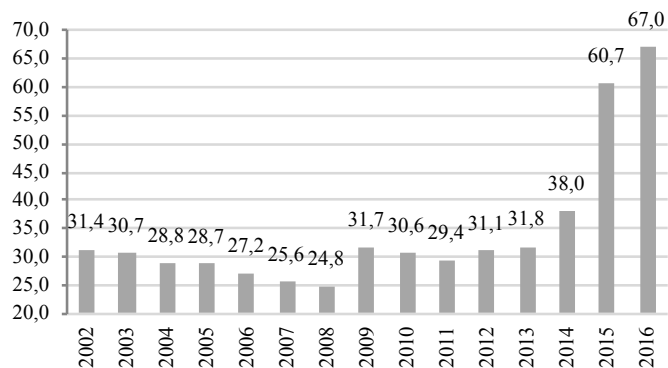
Интерпретировать данную динамику можно следующим образом. В 2006–2008 гг. российская экономика стала воспринимать сигналы глобальной и быстро адаптироваться под ее правила. Очень скоро мировой кризис 2008–2009 гг. показал, что такая адаптация стоит недорого – отечественная экономика вновь оказалась на позициях, с которых начинала подстраиваться под глобальную экономику. На протяжении последующих четырех лет в экономике происходили противоречивые процессы, равнодействующая которых выразилась в том, что ее конкурентоспособность практически не менялась.

Особенно интересен 2013 г. Цены на нефть здесь уже не на историческом максимуме, но все еще очень высоки, до «украинского обострения» еще целый год. Российская экономика начинает очередной раунд настройки на нужды глобальной экономики. Ее конкурентоспособность вновь начинает расти. Для российских резидентов этот факт, впрочем, остался незамеченным. Заметили они другое – снижение темпов роста ВВП и реальных доходов, что мы связываем с резким ужесточением денежного предложения с 2012 г. (см. рис. 4).

Но по-настоящему переломным стал 2014 г. Именно с этого периода конкурентоспособность российской экономики начала быстро расти. Здесь большой соблазн объяснить все резким падением рубля (рис. 6). Однако в методологии расчета ИГК данный фактор напрямую соотносится лишь с конкурентоспособностью компаний и развитостью финансового рынка, где ситуация действительно улучшилась. Но улучшалась она и по всем остальным факторам (за исключением показателя *макроэкономической стабильности*), причем не меньшими темпами.

Общий вывод, по-видимому, следующий. Российская экономика способна достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды. Проблема в том, что она уже второе десятилетие не может определиться с направлением, в котором ей двигаться. Сначала она ищет свое место в глобальной экономике в формате «энергоресурсы в обмен на продукцию обрабатывающих производств», отпуская собственную обрабатывающую промышленность на волю рыночных волн с напутствием – «Пусть выживут наиболее эффективные». Снижение нефтегазовых цен в 2009 г. дает первый сигнал, что с такой стратегией легко остаться без становящегося все более критичным импорта. Сигнал

не воспринимается, так как теоретический постулат – «Будем экспортировать продукцию выживших и, следовательно, эффективных обрабатывающих производств» – еще не подвергается серьезной проверке практикой, к тому же нефтяные цены начинают быстро восстанавливаться, что снижает остроту проблемы. Антирекорд инновационного потенциала отечественных компаний (108-е место в мире, см. рис. 5) в 2012 г. остается незамеченным – какой это может представлять интерес, когда нефть стоит так дорого, как никогда раньше (см. рис. 1).

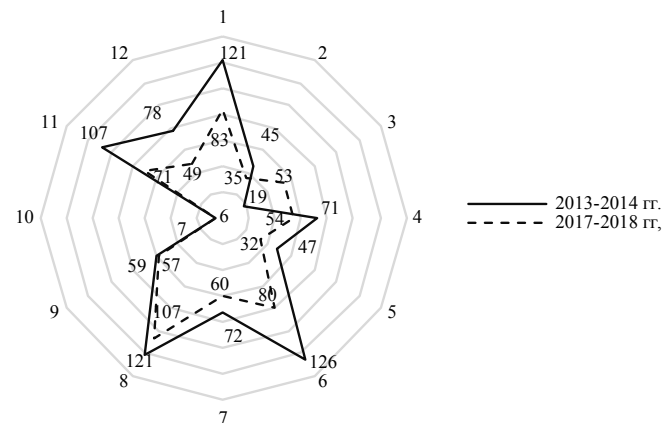
Источник: URL: https://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php

Рис. 6. Средний номинальный курс доллара США к рублю за период с начала года в 2002–2016 гг.

Но наступает 2014 г. Год в некотором смысле «идеального шторма» для российской экономики – нефть стремительно дешевеет, а множась санкции все жестче ограничивают импорт, в первую очередь критический. Модель, по которой работала российская экономика, начинает рассыпаться, но на ее месте все отчетливее проявляется необходимость другой, ориентированной не на адаптацию своего производства к требованиям глобальной экономики, а на внутреннюю самодостаточность. Основа этой самодостаточности – повышение качества организации национальной экономики.

Продвижение в этом направлении невозможно не заметить. Так, позиции РФ в ИГК за 2004–2008 гг. улучшились на 19 позиций (с 70-го места в мире до 51-го, затем последовал

откат до 67-го места к 2012 г.). А за последние четыре года (с 2013–2017 гг.) – на 26 позиций (с 64-го места в мире до 38-го). Ситуация улучшилась (в различной степени) по 11 параметрам из 12. Причем наибольший прогресс был достигнут в конкурентоспособности компаний и их инновационном потенциале (при этом их технологический уровень практически не изменился), а также в качестве институтов и эффективности рынка товаров и услуг. Хотя абсолютный уровень показателей остается низким, динамика их улучшения производит хорошее впечатление и, главное, демонстрирует, что прогресс, причем в различных областях российской экономики, вполне достижим (рис. 7).

1 – Качество институтов. 2 – Инфраструктура. 3 – Макроэкономическая среда. 4 – Здоровье и начальное образование. 5 – Высшее образование и профессиональная подготовка. 6 – Эффективность рынка товаров и услуг. 7 – Эффективность рынка труда. 8 – Развитость финансового рынка. 9 – Технологический уровень. 10 – Размер внутреннего рынка. 11 – Конкурентоспособность компаний. 12 – Инновационный потенциал.

Рис. 7. Конкурентоспособность экономики РФ по отдельным показателям, место в мире в 2013–2018 гг.

Что касается единственного ухудшившегося показателя *макроэкономической среды*, то провал здесь в основном связан с особенностями оценки в ИГК изменения инфляции и бюджетного дефицита. Так, в 2017–2018 гг. индикатору инфляция (изменение за год) было присвоено 112-е место в мире, в 2013–2014 гг. – 91-е. При этом, по оценкам Минэкономразвития, инфляция в 2017 г.

составит 3,0–3,2%⁵ (в 2013 г. – 6,5%). С бюджетным дефицитом также ничего из ряда вон выходящего не произошло.

Отметим, что за рассмотренный период в наибольшей степени сгладились самые вопиющие провалы в российской экономике: резко повысились инновационный потенциал, конкурентоспособность компаний, эффективность рынка товаров и услуг, качество институтов. Несколько улучшилась сбалансированность показателей. Так, стандартное отклонение по 12 базовым показателям, характеризующих российскую экономику, в докладе 2013–2014 гг. равнялось 39,9, а в докладе 2017–2018 гг. – уже 26,5. Абсолютные значения показателей, впрочем, остаются неприемлемо низкими, причем наиболее острая проблема – с развитостью финансового рынка (107-е место в мире).

Таким образом, по данным доклада, авторов которого трудно заподозрить в симпатиях к России, **низкие цены на нефть и введение санкций в большей степени способствуют качественному росту российской экономики, чем растущие цены на нефть и отсутствие санкций.** Имеющихся данных недостаточно, чтобы ответить на вопрос – «Чей вклад в повышение конкурентоспособности российской экономики – низкой стоимости нефти или введенных санкций» – больше. Но и оснований к стремлению изменить сложившееся статус-кво данные доклада не дают.

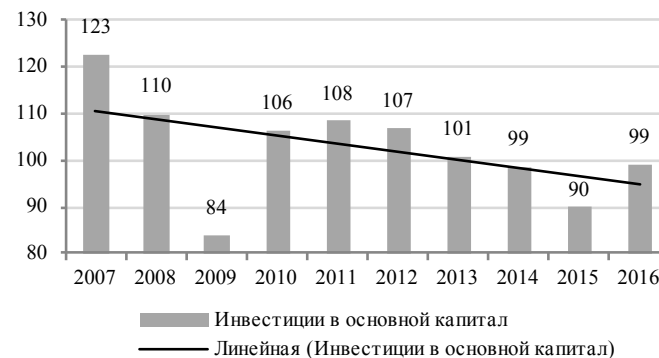
Рассмотренная динамика только обостряет вопрос: «Почему очевидные качественные улучшения российской экономики не трансформируются в экономический рост?». Ответить на него, находясь в парадигме доклада, не просто. Разве что предположить, что глобальная экономика успешно стимулирует рост только тех экономик, которые признают ее правила. При этом качество национальной экономики, и пример России это подтверждает, особого значения не имеет.

Создание относительно независимой экономики, осознанное или вынужденное из-за санкционных ограничений и сокращения рентных доходов, казалось бы, должно автоматически генерировать экономический рост. Действительно, столько уже созданных рыночных ниш из-за ухода иностранных конкурентов вдруг оказались свободными. Потребность же в соответствующих

⁵ Ведомости. 2017. 5 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/09/15/733986-minekonomrazvitiya-prognoz-inflyatsii> (дата обращения: 26.10.2017).

продуктах и услугах осталась. Почему же эти ниши так вяло заполняются отечественным товаропроизводителем?

Мы бы это связали с чрезмерной жесткостью финансовой политики, ведущей к стагнации, а то и к сокращению совокупного спроса. Действительно, если денег в экономике больше не становится, как может расти спрос? Не растет спрос – бизнес в лучшем случае формирует свои инвестиционные программы на уровне обеспечения простого воспроизводства (рис. 8). А с учетом слабой загрузки производственных мощностей (на уровне 61–64% в I–III кварталах 2017 г., причем на уровне свыше 90% использовалось не более 16% мощностей⁶) зачастую и ниже. Стагнация в инвестициях ведет к невозможности сколько-нибудь существенного роста предложения (производства) со стороны отнюдь не молодого российского парка производственного оборудования⁷ в будущем. Ни о каких структурных сдвигах в экономике в условиях стагнации говорить также не приходится. Не случайно, как уже отмечалось, технологический уровень отечественного производства в последние годы практически не растет.

Источник: Россия в цифрах, 2017. С. 423., Россия в цифрах, 2010. С. 35–36. URL: www.gks.ru

Рис. 8. Темпы роста инвестиций в основной капитал в 2007–2016 гг., %

⁶ Росстат. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33700> (дата обращения: 01.01.2017).

⁷ Средний возраст машин и оборудования в обрабатывающих производствах в 2016 г. составил 12,2 г., в 2014 г. – 12 лет. Росстат. ЦБСД. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 01.03.2017).

Бизнес на протяжении последних, по меньшей мере, пяти лет получает ясные сигналы – роста спроса в среднесрочной перспективе не ожидается, расширять мощности, если речь не идет о переделе сложившихся рынков, не следует. По сути, **это признание ограниченности потенциала рыночного механизма в российских условиях: эффективность использования финансовых средств он, с известными оговорками, возможно, и обеспечивает, а развитие экономики – точно нет.**

Условия экономического роста: воля и деньги

Отметим, что крупные проекты, тем более преобразование национальной экономики, начинаются не с денег, а с наличия воли к их реализации. Есть воля – находятся и деньги. Ситуация с деньгами в РФ вообще подобна улыбке Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. С одной стороны, их настолько много, что Центральный банк уже не первое десятилетие борется с инфляцией, порождаемой (с его точки зрения) их излишком. С другой, как только речь заходит об инвестиционных программах, «кот» сразу исчезает. Материализуется он в неблизких для российского гражданина местах.

Так, обратим внимание на известный, но игнорируемый разработчиками государственных программ развития факт, что РФ является нетто-кредитором мировой экономики. Выше уже отмечалось, что масштабы этого кредитования сопоставимы с национальной инвестиционной программой. Иными словами, если бы РФ кредитовал остальной мир в той же мере, что и остальной мир кредитует РФ, национальную инвестиционную программу 2016 г. можно было увеличить вдвое.

При всей масштабности российского финансирования развития мировой экономики даже полная переориентация этих средств на нужды отечественной экономики все же недостаточна для создания инновационной отечественной экономики. Но с чего-то надо начинать. Так, объяснения, что денег для развития отечественной экономики нет, потому что они направлены на развитие тех, кто организывает санкционное давление на РФ, – представляются очень странными. Углубление в детали данной новеллы только повышает драматизм ситуации. Действительно, в долговых ценных бумагах (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США, которые в любой момент могут быть

даже если не аннулированы, то заморожены на неопределенное время) аккумулировано 164 (!) годовых инвестиционных бюджета «производства машин и оборудования» 2016 г. Даже если оставить в стороне частный капитал и ориентироваться только на государственные средства, невозможно объяснить, как может не быть финансовых ресурсов для развития отрасли «машины и оборудование», когда они есть.

Проблема, таким образом, все же не в деньгах, а в отсутствии политической воли развивать отечественную экономику. Самое удивительное здесь в том, что **никаких реальных ограничений для российского экономического роста нет.** В стране достаточно природных ресурсов, качественный человеческий капитал, большой внутренний рынок (см. рис. 7). Даже как будто специально созданы сильные внешние стимулы, которые в терминологии прошлых лет можно определить следующим образом: «Не будете развиваться – мы вас сомнем».

В этих условиях государство, отвечающее за те цели, к достижению которых осознанно или нет стремится общество, казалось бы, должно сказать свое веское слово. Но оно, как будто находясь под гипнозом давно усвоенных и не подлежащих проверке практикой догм, пытается переадресовать эту задачу рынку – системе институтов, «отвечающих» за эффективность использования имеющихся ресурсов, но никак не за стратегию развития общества в современной геополитической реальности.

До тех пор пока государство на деле, а не на словах не возьмет на себя ответственность за четкую постановку целей экономического развития, разработку стратегий их достижения и реализацию поставленных целей, социально-экономическая ситуация в РФ будет только ухудшаться. Уже потому, что в странах той же экономической весовой категории, что и РФ, национальные интересы хорошо осознаны и последовательно отстаиваются. И если для этого необходимо «подвинуть» (точнее, экономически «задвинуть») другие страны, то это проблема государств, которые, апеллируя к догмам столетней давности, во имя сиюминутной эффективности готовы жертвовать своим будущим.

Литература

Алексеев А. В. Денежное предложение: предпосылка или допинг для экономического роста? // ЭКО. 2017. № 3. С. 48–59.

Алексеев А. В. Пора за флажки? Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста // ЭКО. 2015. № 9. С. 55–72.

Баранов А. О., Сомова И. А. Анализ основных факторов инфляционной динамики в России в постсоветский период // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 16–32.

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 11.

Статья поступила 19.12.2017.

Summary

Alekseev A. V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

In Search of Lost Balance: Between State Regulation and Market Instability

The article characterizes the existing economic model of the Russian Federation development and proves that the attempts of its upgrade are a dead end. It proves the claim that the main objective of the middle-term development is making national economic system relatively independent of the world economy (regarding critical technologies) and capable to provide national sovereignty. We have come to the conclusion that the Russian economy needs strategic management intensification with the use of market mechanism potential as a counter to the excessive reliance on market methods with unsystematic elements of indicative planning, which can be seen nowadays.

Economic growth; industrial output; investment; economic development model; monetary stimulation; state development programmes

References

Alekseev A. V. (2017). Denezhnoe predlozhenie: predposylka ili doping dlja jekonomicheskogo rosta? *ECO*. [ECO]. No 3. Pp. 48–59. (In Russ.).

Alekseev A. V. (2015). Pora za flazhki? Jekonomicheskij rost, pust' s infljaciej, luchshe, chem infljacija bez rosta. *ECO*. [ECO]. No 9. Pp. 55–72. (In Russ.).

Baranov A. O., Somova I. A. (2015). Analiz osnovnyh faktorov infljacionnoj dinamiki v Rossii v postsovetskij period. *Problemy prognozirovaniya*. [Studies on Russian Economic Development]. No 2. Pp. 16–32. (In Russ.).

Kudrin A., Gorjunov E., Trunin P. (2017). Stimulirujushhaja denezhno-kreditnaja politika: mify i real'nost'. *Voprosy Ekonomiki*. No 5. Pp. 11. (In Russ.).